
DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-149-159
УДК 821.161.1

Дарственные надписи Маяковского в фонде Государственного музея В.В. Маяковского*

Г.А. Антипова

Аннотация: Статья посвящена описанию коллекции дарственных надписей Маяковского на книгах и анализу инскриптов как с точки зрения их связи с определенными этапами жизни и творчества поэта, так и по степени информационной полноты. Данное исследование проводится впервые на материалах Рукописно-документального фонда ГММ. Результаты работы будут использованы при подготовке 19-го тома Полного собрания произведений Маяковского в 20-ти томах.

Ключевые слова: Маяковский, дарственные надписи на книгах, Государственный музей В.В.Маяковского, Полное собрание произведений Маяковского.

Информация об авторе: Галина Александровна Антипова, научный сотрудник, Государственный музей В.В. Маяковского, Москва, Россия. E-mail: gal.antipova@mail.ru

Цитирование: *Антипова Г.А.* Дарственные надписи Маяковского в фонде Государственного музея В.В. Маяковского // Литературный факт. 2018. № 8. С. 149–159.

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №17-04-00132 «Новые материалы к биографии Маяковского: историко-литературный и общественно-политический контекст».

Дарственные надписи на книгах — самый распространенный и лучший всего сохраняющийся вид дарственных надписей на предметах. Они достаточно давно стали объектом эмпирического, а в последние годы и теоретического изучения. Но эти теоретические подходы¹ остаются скорее умозрительными. Построение практически полезной типологии инскриптов, их статистическое обследование, сопоставление данных по историческим периодам, социальным стратам, жанрам изданий еще впереди. Предлагаемый обзор — опыт продвижения в методике работы с инскриптами на количественно небольшом, но исторически ценном материале. Кажется, этот опыт дает возможность уточнить, какого рода выводы можно делать на материале дарственных надписей одного автора.

Судя по всему, Маяковский должен был надписывать очень много книг. Он жил в те времена, когда дарение с инскриптом было уже обязательным действием для пишущего человека, имел множество друзей и знакомых, а главное — регулярно выступал с поэтическими вечерами, что всегда подразумевает просьбы об автографе и почти всегда именно на книге. Учитывая достаточно большие тиражи советских изданий поэта, счет надписанных им экземпляров должен идти на многие сотни, а скорее всего, их общее число четырехзначно.

Между тем на сегодня выявлено и зафиксировано на государственном хранении всего 194 дарственных надписи Маяковского на книгах², из них 110 хранится в Государственном музее В.В. Маяковского³. Понятно, что немало книг имеется в частных библиотеках. С коллекцией М.С. Лесмана в Музей А.А. Ахматовой поступило 16 инскриптов Маяковского — прибавилась почти десятая часть! Это дает представление о том, сколько их может находиться у коллекционеров вообще. Какое-то количество сохранилось, несомненно, и в собраниях не библиофильского характера. Но для изучения доступны лишь эти менее чем две сотни экземпляров, а из них собрание ГММ составляет, как видим, больше половины. Таким образом,

¹ Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180; Рейтблат А.И. К социологии инскрипта // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: НЛЮ, 2011. С. 466–475; Зубков Н.Н. О подходах к изучению дарственных надписей // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 576–588. В последнем сборнике ср. также интереснейшие замечания об инскриптах А.М. Пескова в тексте: Немзер А.С. О подарках. С. 632–638.

² Описание документальных материалов В.В. Маяковского, находящихся в государственных хранилищах. Вып. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 98–117. К ним прибавлено три опубликованных инскрипта Р.О. Якобсону (*Якобсон Р.* Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. С. 213).

³ См.: Русская футуристическая книга из коллекции Государственного музея В.В. Маяковского. Вып. 1: В.В. Маяковский. Каталог прижизненных изданий. М.: ГММ, 2009. Далее при упоминании описанных в этом каталоге экземпляров приводится номер по каталогу и инвентарный номер музея. В «Описании документальных материалов» дополнительно выявлено 5 экземпляров изданий, не включенных в каталог, добавлено 6 надписей, сделанных Маяковским на сборниках, журналах и на книге другого автора, а также уточнены некоторые чтения и атрибуции.

его анализ вполне релевантен для представления а стилистике дарственных надписей Маяковского и в значительной мере — для характеристики круга их адресатов. Подсчеты в этой статье выполнены только на материале фондов ГММ, для содержательной же характеристики привлекается и остальной материал.

Беглый взгляд на список адресатов сразу открывает несколько не вполне обычных обстоятельств.

Всего отмечено около 50 надписанных Маяковским изданий (в ГММ — 42), т.е. в среднем около 4 экземпляров каждого издания. Но среднее число инскриптов каждому адресату гораздо меньше, причем по 5 — только Л.Ю. Брик и Л.В. Маяковской. Считая 2 экземпляра с надписями О.М. Брику, один (почему-то на сборнике А. Безыменского) — В.А. Катаняну и 4 — маленькому В.В. Катаняну, из семьи Бриков-Катанянов происходит 12 экземпляров: 5 «катаняновских» — в ГММ, 7 «бриковских» — в других хранилищах⁴. У сестер Маяковских (ныне мемориальный фонд ГММ) сохранилось 13 книг с надписями брата, еще три подарены Ольге, одна — матери и четыре — всем вместе. Остальные книги Маяковского в мемориальном фонде его надписей не имеют. Если основываться только на этих данных, пришлось бы думать, что Маяковский даже близким людям не дарил книг регулярно. Можно было бы предположить, что Брикам с определенного времени автографы Маяковского стали нужны только в особых случаях, но это не подтверждается наличием инскриптов на таких изданиях, как «Испания. Океан. Гавана. Мексика» (1926) — Лиле и пятый том собрания сочинений (1927) — Осипу, который вообще-то был редактором этого собрания (оба в ГЛМ). Куда делись надписи на остальных изданиях (в том числе, вероятно, на других томах собрания), непонятно. Инскриптов Л. Арагона и Э. Триоле в библиотеке Лили (ныне в ВГБИЛ) сохранилось заметно больше.

Что касается родных, то создается впечатление, что поначалу Маяковский дарил им книги всем вместе, потом начал дарить по экземпляру матери и каждой из сестер, а с 1924 г. дарить почти перестал. Поэма «Про это» в мемориальном фонде имеется в трех экземплярах с идентичными надписями: «Мамочке Вол», «Людочке Вол», «Олечке Вол» (№ 27, экз. 25589–25591); точно так же надписан сборник «Маяковский для голоса» (№ 22, экз. 27988/21–22), только не сохранился экземпляр Александры Алексеевны. Позже известна лишь одна книжка, подаренная Люде, — по любопытному совпадению, та же «Испания...» (№ 64, экз. 27988/20); в этой надписи появляется исчезнувшее из прежних подарков слово «дорогой». Учитывая, что библиотека сестер, в отличие от бриковской, не дробилась

⁴ Известная стихотворная надпись Лиле («Вы и писем не подпускаете близко...»), сделанная в январе 1923 г., воспроизведена ею по памяти на одном из экземпляров Библиотеки-музея Маяковского (№ 21, экз. 116793), оригинал же хранится в Государственном литературном музее (Описание. С. 100).

и никуда не переезжала, а брата они почитали сильно, можно думать, что других инскриптов в последние годы действительно не было или почти не было.

Для остальных адресатов степень близости к автору и количество известных экземпляров, им подаренных, никак не коррелируют. Некоторые из инскриптов определенно близким людям, конечно, не учтены, потому что находятся в частном владении или за границей (ср. упомянутые выше надписи Якобсону). С другой стороны, существование Музея А.М. Горького привело к тому, что в государственном хранилище оказались, по-видимому, все четыре надписанных ему экземпляра, хотя добрые отношения Маяковского с ним продолжались, как известно, недолго. И всё же трудно избавиться от ощущения случайности, видя, что опубликовано три автографа на книгах полпреду в Париже В.С. Довгалеvскому⁵, столько же — секретарю А.В. Луначарского В.Д. Зельдовичу⁶, но всего два — Н.Н. Асееву, по одному — В.Э. Мейерхольду и самому Луначарскому, ни одного — Н.А. Брюханенко, В.В. Полонской, В.Б. Шкловскому, С.И. Кирсанову и многим другим людям из круга самого тесного общения. Поэтому известные (не говорим «сохранившиеся») записи Маяковского в целом не являются надежным источником для его биографии, а в случае гипотетического исчезновения всех остальных источников создавали бы а ней и вовсе искаженное представление. В какой-то мере это, очевидно, верно для любого автора, и надо только иметь это в виду, чтобы не ожидать от источника того, чего он дать не может.

Характеристикой же дарителя является *стиль* его инскриптов, и в этом отношении имеющийся материал инскриптов Маяковского дает, надо думать, достаточную базу для выводов, опирающихся на подсчеты.

Для классификации дарственных надписей Маяковского мы выбрали два параметра:

I. Наличие / отсутствие указания имени адресата («именные» и «анонимные» надписи). Надписи с перифрастическим обозначением адресата («Другу великолепному футуру» — № 21, экз. Р-5678) считаются анонимными.

II. Наличие / отсутствие стандартных («дорогому», «милому» и т.д.) или нестандартных расширений надписи.

Таким образом, выделяется шесть основных групп:

1.1. Именные надписи без расширения («Тиванову В. Маяков<ский>»: № 2, экз. 10666).

1.2. Именные со стандартным расширением («Дорогому Васичке Володя»: В.В. Каменскому, № 57, экз. 11792). Здесь мы дополнительно выделяем надписи с обозначением:

1.2.1. Только имени;

1.2.2. Только имени и отчества;

⁵ Описание. С. 103; все в ГММ.

⁶ Там же. С. 104; все в РГАЛИ.

1.2.3. Фамилии с именем или без него.

1.3. Именные с нестандартным расширением («Всеволоду Эмильевичу Маяковский (может пригодиться)»: № 3, экз. Р-5741).

2.1. Анонимные без расширения («ВлМаяк<овский>»: № 51, экз. Р-6601).

2.2. Анонимные со стандартным расширением («Маяковский Нежно» (№ 8, экз. Р-5863).

2.3. Анонимные с нестандартным расширением («Свидетелю впутывания Малкина в футуристическую авантюру Маяковский...»: № 10, экз. Р-5330).

Итоговый результат сведен в следующих таблицах (с округлением до 0,5%):

Табл. 1

	1.1	2.1	1.2.1	1.2.2	1.2.3	2.2	1.3	2.3	Итого
Изданий	22	7	15	7	10	3	12	4	42
Экземпляров	23	9	17	10	16	1	19	5	110
% экземпляров	21,0	8,0	15,5	9,0	14,5	1,0	17,0	4,0	100
Изданий	29		34			14			
Экземпляров	41		42			22			
% экземпляров	39,0		40,0			21,0		100	
Общее количество меньше суммы столбцов, поскольку экземпляры одного издания имеют инскрипты разных типов.									

Табл. 2

С именными инскриптами	
Изданий	39
Экземпляров	95
% экземпляров	86,5
С анонимными инскриптами	
Изданий	11
Экземпляров	15
% экземпляров	13,5

Из первой таблицы видно, что стиль инскриптов Маяковского ближе соответствует общей норме, принятой в литературной среде, чем это можно было бы предположить. В самом деле, по резонному утверждению А.И. Рейтблата, именно поэты авангарда положили начало широкому распространению нестандартных надписей⁷, а вскоре сначала писатели, затем и не только они всё больше перенимали эту манеру (вследствие чего инскрипт как текст становится всё более загадочным). В библиотеке А.Е. Крученых надписей с нестандартными расширениями по самому строгому подсчету больше половины, а если сделать критерии нестандартности мягкими (все, кроме вежливых эпитетов и указания на обстоятельства дарения) — едва ли

⁷ Рейтблат А.И. К социологии инскрипта. С. 473.

не три четверти⁸. 21% нестандартных надписей Маяковского — может быть, немалая цифра для «буржуазного» литератора и была бы очень большой для дореволюционного профессора, но для его среды, как видим, скорее мала. К тому же, как только что было сказано, доля нестандартных надписей со временем увеличивалась (в библиотеке Крученых вообще не сохранилось инскриптов раньше конца 1920-х гг.), у Маяковского же половина их приходится на 1918–1919 гг. (собственно, четыре издания: № 7–10 по каталогу ГММ), а после 1925 г. такая надпись в ГММ зафиксирована всего *одна*⁹ и еще одна в ГЛМ (Б.Л. Пастернаку)¹⁰. Это, на наш взгляд, показывает, что в первое послереволюционное время процесс дарения книг для Маяковского был игровым, под конец же стал рутинным.

Остальные экземпляры с инскриптами практически поровну делятся между надписями без расширения и со стандартным расширением. Такое точное совпадение (42 и 44), конечно, случайно, но реальную пропорцию отражает, очевидно, правильно. Выводы отсюда делать, наверное, рано, потому что в этих категориях смешиваются разные ситуации. В каких-то случаях надпись без расширения может означать дарение почти незнакомому (может быть, даже и совсем незнакомому) человеку: «Холмогорову ВМаяков<ский>» (№ 7, экз. Р-5679), но большинство их иного рода. Исчезновение эпитетов в надписях родным, возможно, отчасти подтверждает версию Л.Ю. Брик об охлаждении отношений Маяковского с ними, но лишь до известной степени. Может быть, здесь сказалось охлаждение скорее к процессу дарения: ведь есть безэпитетные надписи, адресованные людям, близкое и доброе знакомство с которыми зафиксировано: В.М. Ходасевич («Вуалеточке В. Маяковский» — № 7, экз. 11145), П.И. Лавуту («Павлу Ильичу Лавуту Владимир Маяков<ский>» — № 64, экз. 11698). Нередко в последние годы такие инскрипты адресованы детям: экз. 1933 (№ 58) и пара надписей, возможно, сделанных одновременно: «Васе Катаняну Володя Маяковский» (№ 73, экз. 5485) и «Василию Васильевичу от Владимира Владимировича» (№ 74, экз. 5439). Таким образом, отсутствие расширения можно считать немаркированным признаком (что, думается, верно не для любого дарителя), присутствие же его — признак маркированный, указывающий на существование так или иначе осознанных дарителем отношений. И хотя выбор эпитета не обязательно отражает истинное отношение дарителя к получателю, их отбор так или иначе характеризует обоих. В этом смысле показательно, что у Маяковского часто встречается эпитет «милый», производные от слов «любовь» и «нежность» (даже в анонимных надписях)¹¹ и никогда — «уважение».

Несколько удивительно, что мало известно примеров самого простого типа анонимных надписей (только росчерк): ведь массовые раздачи автографов обычно предполагают именно его. Один экземпляр второго издания

⁸ Основная часть инскриптов библиотеки Крученых опубликована в: Советский художественный авангард: Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1. М.: Рудомино, 2012. С. 48–115.

⁹ Описание. С. 107, экз. ГММ 11699.

¹⁰ Там же. С. 131.

¹¹ № 8, экз. Р-5683; Описание. С. 109 (И.А. Малютину).

«Облака в штанах») (№ 7, экз. Р-5304) и один экземпляр «Человека» (№ 8, экз. Р-5305) дополнены указанием на место («Кафе поэтов») и, возможно, надписаны именно при такой раздаче. Другие анонимные надписи на «Облаке», сделанные в кафе, имеют нестандартные расширения: «Втирайте До суха!» (экз. 11248); «Для внутреннего употребления» (экз. 11347). Несколько простых автографов, зафиксированных в других хранилищах, относятся также к 1918 г. Затем таких встречается пять, из которых один явно связан с гастрольным выступлением, поскольку имеет указание на место (Баку) и дату¹², а один, адресат которого атрибутирован как А.А. Жаров, заведомо не связан¹³.

Соотношение именных надписей с анонимными в целом (табл. 2) характеризует, видимо, не практику дарения Маяковского, а отношение к подаренным им книгам: на государственное хранение их передавали в основном те, кто считал себя как-то связанным с поэтом. Это подчеркивается еще преобладанием инскриптов без упоминания фамилии над инскриптами с ее упоминанием, что видно по цифрам группы 1.2 (в группах 1.1 и 1.3 соотношение примерно такое же). В первом случае несомненно, что люди друг другу по меньшей мере представлены (а обращение без отчества говорит а коротком знакомстве); во втором это не обязательно, хотя и тут среди адресатов встречаются такие близкие знакомые и друзья, как П.И. Лавут¹⁴, Д.Д. Бурлюк (№ 4, экз. Р-5486) и др.

Отметим еще, что из инскриптов, находящихся в ГММ, датировано 40 или 36,4%, все не позднее 1926 г. Интерпретировать это соотношение мы затрудняемся. Возможно, до какого-то времени Маяковский датировал или не датировал надписи относительно случайно. Впрочем, можно заметить, что родным он не датировал их никогда, а людям с положением (Горькому, Довгалеvскому, Д.А. Фурманову), как правило, датировал. Но поздняя надпись Довгалеvскому — без даты.

Табл. 3

	1.1	2.1	1.2	2.2	1.3	2.3	Итого
1913–1917 (№ 1–6)							
Изданий	2	0	5	0	0	0	5
Экземпляров	3	0	7	0	0	0	10
1918–1923 (№ 7–37)							
Изданий	11	3	8	3	8	3	15
Экземпляров	18	4	20	3	12	5	60
1924–1930 (№ 38–85)							
Изданий	8	4	9	0	2	1	17
Экземпляров	10	4	12	0	2	1	29
В таблице для наглядности последующих рассуждений учтены только инскрипты на изданиях произведений Маяковского, включенных в каталог ГММ.							

¹² Описание. С. 110, № 47, экз. 12335; адресат атрибутирован как Ф.С. Непряхин (со ссылкой на статью М.А. Немировой).

¹³ Там же. С. 104, экз. ГММ 28423.

¹⁴ См. выше, а также: Описание. С. 107.

Третья таблица, дающая хронологическую разбивку, нуждается в предварительном пояснении. Выбор 1917 г. в качестве границы периода очевиден. Другая грань — выход двухтомного собрания «13 лет работы» и сопутствующих ему сборников («Стихи а революции», «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издается», «Избранный Маяковский», «255 страниц Маяковского» и др.), после которого изменились как характер работы поэта, так и характер ее книжного представления. Можно было бы взять и 1924 г., в котором зафиксирован только один инскрипт (простой автограф неустановленному лицу — № 41, экз. 11392) на одном из семи изданий Маяковского, вышедших в этом году¹⁵. С 1925 г. надписанных изданий становится опять несколько больше, и всё же тенденция вполне очевидна. Из шести дореволюционных изданий Маяковского неизвестны только инскрипты на «Простом как мычание» (кроме того, есть два надписанных экземпляра «Требника троих»). В первые советские годы доля изданий с опубликованными инскриптами падает (15 из 31), зато значительно выше среднее число подписанных экземпляров на издание: 4 против 2 раньше и 1,7 позже. Иными словами, на эти шесть лет приходится больше половины известных инскриптов Маяковского, изданий же вышло немногим более трети. В фонде ГММ есть по 10 инскриптов на втором издании «Облака в штанах», «Человеке» и «Для голоса», следом идет «Про это» — шесть надписей (правда, три из них — родным). С другой стороны, в те же годы вышло 8 агитационных изданий (включая «Советскую азбуку»), ни на одном из которых автографы Маяковского не известны. К той же категории относится и четыре из семи изданий «безавтографного» 1924 г. Тенденция очевидна: агитброшюры Маяковский знакомым, похоже, не дарил, даже если это большая поэма «Вон самогон!», а дарить незнакомым в начале 1920-х гг. не было случаев — тогда он реже, чем в другие годы, выступал на публике. Пик же дарений 1918 г. связан как раз с активными выступлениями в «Кафе поэтов».

По контрасту впечатляет статистика последнего шестилетия: 17 надписанных изданий из 48 при падении среднего числа надписанных экземпляров даже ниже дореволюционного уровня. Материал других хранилищ разве что ненамного изменит это отношение. Получается, что чем больше Маяковский издавал книг, тем меньше надписывал. Между тем, как сказано в самом начале, в постоянных турне он должен был раздавать многое множество автографов, и надписи, несомненно связанные с выступлениями, действительно есть. Три из них сделаны в один день: одна анонимная (№ 47, экз. 12335) упомянута выше, две других — именная и анонимная на двух экземплярах более раннего издания (№ 22, экз. Р-5299 и Р-5378)¹⁶. Очевидно, сохранение и обнаружение сразу трех книг, надписанных на одном утреннике, связано с какими-то особыми обстоятельствами. Происхождение еще трех простых автографов неизвестно, но обычно такие делаются

¹⁵ Автограф Фурманову на журнале «ЛЕФ» (№ 4) в подсчет не вошел.

¹⁶ Анонимная запись атрибутируется Е.П. Конушкиной (Описание. С. 106).

именно при массовых раздачах. Мы не можем сказать, сколько таких автографов пропало или ждет своего часа.

С другой стороны, сохранившиеся инскрипты, несмотря на их малое количество, позволяют с достаточной долей уверенности сказать, что друзьям и знакомым Маяковский в последние годы надписывал еще меньше книг, чем прежде. Довольно характерны исключения: это, во-первых, детские книги, затем книги, связанные с заграницей (нью-йоркское «Открытие Америки», «Париж», «Испания...»), возможно, «Американцам для памяти» с анонимной надписью — № 51, экз. Р-6601), «Хорошо!»¹⁷, «Клоп», собрание сочинений. Из стихотворных сборников последних лет известен только экземпляр сборника «Слоны в комсомоле» с надписью В.С. Довгалеvскому (№ 78, экз. Р-5457). Напрашивается вывод, что сам Маяковский отчетливо делил свои работы на серьезные и проходные, из которых только серьезные были достойны дарения с надписью. Конечно, подтвердить или опровергнуть такой вывод может лишь более широкий материал, если он появится.

Таким образом, с большей или меньшей степенью достоверности наш анализ привел к таким заключениям.

На сегодня выявлена лишь малая доля дарственных надписей Маяковского на книгах, причем известно очень мало автографов, сделанных при их массовых раздачах. Инскрипты знакомым сохранились или выявлены очень неравномерно и в целом не являются достаточно надежным источником биографии Маяковского. Разумеется, в отдельных случаях они, как и большинство инскриптов вообще, могут помогать дальнейшим разысканиям или, скорее, провоцировать на них. Стиль дарственных надписей Маяковского в большей степени, чем можно было бы ожидать, ориентирован на стандарт ритуала дарения, хотя и нестандартные надписи попадают в заметном количестве, но лишь на ограниченном временном отрезке. Число надписанных экземпляров и разнообразие надписей растет от начала деятельности Маяковского до первых послереволюционных лет, а затем, начиная с 1924 г., скачкообразно падает: дарение книг, видимо, стало для Маяковского малоинтересной во всех отношениях вещью. Возможно, количество экземпляров издания, подаренных известным адресатам, соотносится со значимостью этой книги для самого поэта.

Если стиль инскриптов одного человека в определенной мере характеризует дарителя, то и дарственные надписи, адресованные одному человеку, небезразличны к личности адресата. Поэтому представляется полезным обследовать также опубликованные надписи на книгах, адресованные Маяковскому. Это должно стать темой следующей работы.

¹⁷ В ГММ инскрипты только на втором издании, но сохранились также экземпляры первого, надписанные Л.В. Кулешову (Описание. С. 107, в РГАЛИ) и Б.Л. Пастернаку (Там же. С. 111, в ГЛМ — упомянутая выше нестандартная надпись).

Литература

Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180.

Зубков Н.Н. О подходах к изучению дарственных надписей // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 576–588.

Немзер А.С. О подарках // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 632–638.

Описание документальных материалов В.В. Маяковского, находящихся в государственных хранилищах. Вып. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 286 с.

Рейтблат А.И. К социологии инскрипта // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 466–475.

Русская футуристическая книга из коллекции Государственного музея В.В. Маяковского. Вып. 1: В.В. Маяковский. Каталог прижизненных изданий. М.: ГММ, 2009. 213 с.

Советский художественный авангард: Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1. М.: Рудомино, 2012. 183 с.

Якобсон Р. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с.

References

Iakobson R. *Budetlianiin nauki: Vospominaniia, pis'ma, stat'i, stikhi, proza* [Budetlyanin of science: Memoirs, letters, articles, poems, prose], comp., ed., introd. articles and comment. by B. Jangfeldt. Moscow, Gileia Publ., 2012. 306 p. (In Russ.)

Nemzer A.S. O podarkakh [About gifts]. *A.M.P.: Pamiati A.M. Peskova* [A.M.P.: In memory of A.M. Peskov]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 632–638. (In Russ.)

Opisanie dokumental'nykh materialov V.V. Maiakovskogo, nakhodiashchikhsia v gosudarstvennykh khranilishchakh. Vyp. 3 [Description of V.V. Mayakovsky's documentary materials in state repositories. Issue. 3]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2013. 286 p. (In Russ.)

Reitblat A.I. K sotsiologii inskripta [On the sociology of inscription]. *Ot Kibirova do Pushkina: Sb. v chest' 60-letii N.A. Bogomolova* [From Kibirov to Pushkin: A collection in honor of N.A. Bogomolov's 60th anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ, 2011, pp. 466–475. (In Russ.)

Russkaia futuristicheskaia kniga iz kolleksii Gosudarstvennogo muzeia V.V. Maiakovskogo. Vyp. 1: V.V. Maiakovskii. Katalog prizhiznennykh izdani [Russian futuristic book from the State Mayakovsky Museum collection. Issue. 1: V.V. Mayakovsky. Catalog of lifetime editions]. Moscow, State Mayakovsky Museum Publ., 2009. 213 p. (In Russ.)

Sovetskii khudozhestvennyi avangard: *Inskripty knizhnogo sobraniia RGALI. Вып. I* [Soviet artistic avant-garde: Inscriptions in the RGALI book collection. Issue. 1]. Moscow, Rudomino Publ., 2012. 183 p. (In Russ.)

Zalizniak A.A. Dnevnik: k opredeleniiu zhanra [Diary: on the genre definition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 106, pp. 162–180. (In Russ.)

Zubkov N.N. O podkhodakh k izucheniiu darstvennykh nadpisei [On approaches to the study of dedicatory inscriptions]. *A.M.P.: Pamiati A.M. Peskova* [A.M.P.: In memory of A.M. Peskov]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 576–588. (In Russ.)

Mayakovsky's dedicatory inscriptions in the State Mayakovsky Museum collection

Galina A. Antipova

Abstract: The article describes the collection of Mayakovsky's dedicatory inscriptions on books, the inscriptions are analyzed from the point of view of their connection with certain stages of poet's life and work as well as the degree of informative completeness. The present research is made on the materials of State Mayakovsky Museum Manuscript and Document Department for the first time. The results of the work will be used during preparation of the 19th volume of Mayakovsky's Complete Works in 20 volumes.

Keywords: Mayakovsky, dedicatory inscriptions on books, State Mayakovsky Museum, Mayakovsky's Complete Works.

Information about the author: Galina A. Antipova, research associate, State Mayakovsky Museum, Moscow, Russia. E-mail: gal.antipova@mail.ru

Citation: Antipova Galina A. Mayakovsky's dedicatory inscriptions in the State Mayakovsky Museum collection. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 149–159.